

УДК 1(091)

**«МЕСТО МЕСТА»:
АРИСТОТЕЛЕВСКИЙ ТОПОС ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА**

А. В. Толстых

Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск)
goscienecnow@mail.ru

Аннотация. Статья решает историко-философскую проблему: почему принятое Аристотелем определение места как границы объемлющего тела оказалось исторически бесплодным, тогда как отвергнутое им понятие места как самостоятельной протяженности-вместилища (διάστημα) легло в основу новоевропейского понятия пространства. Метод – сопоставительный анализ определения Аристотеля, его критики у Филопона и современного спора о нем (Р. Сорабджи, Б. Моррисон, Э. Хасси), дополненный аналогией с цифровым трехмерным пространством. Показано, что координатная сетка графического редактора соответствует не аристотелевскому месту-границе, а филопоновской протяженности, получающей в цифровой среде операциональное воплощение. Вывод: историческое преимущество протяженности объясняется ее операциональностью, способностью служить рабочей средой для построений, а не логическим изъяном определения Аристотеля. Аналогия применяется как инструмент истолкования, а не как доказательство тезиса о реальности.

Ключевые слова: Аристотель, место, τόπος, διάστημα, Филопон, пространство, цифровое пространство, история философии, виртуальная реальность.

Для цитирования: Толстых, А. В. (2026). «Место места»: аристотелевский τόπος через призму цифрового пространства. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 3. С. 66-76. DOI: 10.47850/RL.2026.7.3.66-76.

**“THE PLACE OF PLACE”:
ARISTOTLE'S ΤΟΠΟΣ THROUGH THE LENS OF DIGITAL SPACE**

A. V. Tolstykh

National Research Tomsk State University (Tomsk)
goscienecnow@mail.ru

Abstract. The article addresses a problem in the history of philosophy: why Aristotle's definition of place as the boundary of the surrounding body proved historically barren, whereas the notion he rejected – place as a self-subsistent three-dimensional extension (diastema) – became the basis of the modern concept of space. The method is a comparative analysis of Aristotle's definition, its critique in Philoponus, and the present-day debate about it (R. Sorabji, B. Morison, E. Hussey), supplemented by an analogy with digital three-dimensional space. It is shown that the coordinate grid of a graphics editor corresponds not to the Aristotelian place-as-boundary but to the Philoponian extension, which acquires an operational embodiment in the digital environment. Conclusion: the historical advantage of extension is explained by its operability – its capacity to serve as a working medium for constructions – rather than by any logical failure of Aristotle's definition. The analogy is employed as a tool of interpretation, not as a proof of any thesis about reality.

Keywords: Aristotle, place, topos, diastema, Philoponus, space, digital space, history of philosophy, virtual reality.

For citation: Tolstykh, A. V. (2026). "The place of Place": Aristotle's τόπος Through the Lens of Digital Space. *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 3. Pp. 66-76. DOI: 10.47850/RL.2026.7.3.66-76.

Введение

Понятие места (τόπος), которому Аристотель посвятил значительную часть четвертой книги «Физики», принадлежит к числу тех античных концептов, что не получили окончательного разрешения и остаются предметом спора по сей день. Аристотель определил место как первую неподвижную границу объемлющего тела, отвергнув при этом конкурирующее представление о месте как о самостоятельной протяженности-вместилище (διάστημα). Дальнейшая история понятия сложилась, однако, вопреки этому выбору. Начиная с Иоанна Филопона, позднеантичная, а за ней средневековая и новоевропейская мысль вернулись к отвергнутой протяженности, и именно она, а не аристотелевская граница, легла в основу представления о пространстве в классической физике.

Эта коллизия – принятое Аристотелем определение оказалось исторически бесплодным, а отброшенный им вариант магистральным, – и составляет проблему настоящей статьи. Вопрос не в том, ошибся ли Аристотель. Логическая состоятельность его определения остается предметом неоконченного спора, и мы не беремся его решить. Вопрос в том, почему отвергнутый вариант оказался для последующей мысли притягательнее принятого и что именно делало протяженность-вместилище столь пригодной для дальнейшего развития науки.

Проблема соотношения аристотелевского места и протяженности имеет давнюю традицию обсуждения. В античности ее узловыми точками стали возражения Филопона против Аристотеля и защита аристотелевской позиции у Симпликия. В современной литературе спор о состоятельности аристотелевского определения ведут, в частности, Р. Сорабджи, указывающий на внутреннюю несовместимость требований контакта и неподвижности [Sorabji, 1988], Б. Моррисон, защищающий когерентность определения [Morison, 2002], и Э. Хасси, ставящий под сомнение подлинность его ключевого места [Hussey, 1983]. Настоящая работа не добавляет к этому спору еще одну интерпретацию аристотелевского текста, а смещает угол зрения: вместо вопроса о правоте Аристотеля ставится вопрос о том, чем была ценна отвергнутая им альтернатива.

Тезис статьи состоит в том, что ответить на этот вопрос помогает аналогия с цифровым трехмерным пространством. Координатная сетка, лежащая в основе любого трехмерного графического редактора, структурно соответствует не аристотелевскому месту-границе, а именно филопоновской протяженности-вместилищу. В цифровой среде это вместилище реализовано не умозрительно, а операционально (в нем задаются координаты, вычисляются положения, размещаются и перемещаются тела). Так цифровая аналогия делает наглядным то свойство протяженности, которое обеспечило ей историческое преимущество – ее операциональность, способность служить рабочим инструментом, каким аристотелевская граница быть не могла. Аналогия используется здесь не как доказательство какого-либо метафизического тезиса о природе реальности и не как реконструкция намерений Аристотеля, а как герменевтический инструмент, проясняющий историко-философскую коллизию.

Сначала в статье разводятся два аристотелевских понятия места – граница (topos) и протяженность (diastema), затем показывается, к какому из них относится цифровая аналогия. Далее излагается спор современных историков философии о состоятельности аристотелевского определения, который мы оставляем открытым как не решающий для нашей задачи. Затем прослеживается возвращение отвергнутой протяженности у Филопона и ее путь к новоевропейскому понятию пространства, а также разъясняется, в чем здесь роль цифровой аналогии. После этого аналогия распространяется на платоновский образ Пещеры, критически оцениваются ее границы и намечается перспектива, связывающая ее с современными обсуждениями виртуальной реальности.

Topos и diastema: два понятия места

Проблема места принадлежит к тому разряду философских затруднений, где наглядно-очевидное и понятийно-выразимое расходятся. Различие это обнажил еще Зенон. В апории о летящей стреле каждое отдельное «теперь» стрела занимает равное себе место и в этом смысле покоится, откуда следует, что и на всем протяжении полета она покоится. Вывод, очевидно расходящийся с тем, что мы видим в физическом мире. Аристотель приводит зеноновский ход так: «если всегда, – говорит он, – всякое [тело] покоится, когда оно находится в равном [себе месте], а перемещающееся [тело] и момент «теперь» всегда [находится в равном себе месте], то летящая стрела неподвижна» [Аристотель, 1981, с. 199]. Наглядная данность движения и его понятийное описание вступают здесь в противоречие. Само это противоречие возникает не в вещах, а в способе, каким мы их концептуализируем, и именно поэтому наглядная модель способна прояснить то, что в чисто понятийном рассуждении остается темным. Проблема места устроена сходным образом: тела очевидно находятся где-то, но попытка определить, что есть это «где», сразу ведет в область затруднений, где очевидность перестает помогать.

Чтобы корректно соотнести аристотелевское учение о месте с цифровой аналогией, необходимо развести два понятия, которые в обыденной речи сливаются, а у Аристотеля противопоставлены: это τόπος (место как таковое) и διάστημα (протяженность, промежуток). От того, к какому из них мы отнесем координатную сетку трехмерного редактора, зависит весь дальнейший ход рассуждения, и именно смешение этих понятий было бы здесь главной ошибкой.

В четвертой книге «Физики» Аристотель перебирает кандидатов на роль места. Он формулирует их так: «имеются четыре [вещи], одной из которых необходимо должно быть место: или форма, или материя, или протяжение между краями [объемлющего тела], или [сами эти] края, если нет никакого протяжения помимо величины помещающегося [в них] тела» [Аристотель, 1981, с. 130-131]. Форму и материю Аристотель отвергает быстро. Основное внимание он уделяет третьему кандидату – протяжению между границами тела (τὸ διάστημα τὸ μεταξύ), т. е. представлению о месте как самостоятельном промежутке, который остается неизменным, пока тела сменяют в нем друг друга. Иллюзия такого промежутка, поясняет он, возникает оттого, что содержимое сосуда сменяется, а сосуд остается; «то и кажется, что посередине есть какое-то протяжение как нечто существующее помимо перемещающегося тела» [Там же, с. 131].

Этот вариант Аристотель рассматривает всерьез, но отвергает: «Если бы было какое-нибудь протяжение, существующее по природе и пребывающее в самом себе, то мест было бы бесконечное множество, так как при перемещении воды и воздуха все части в целом сделают то же самое, что и вся вода в сосуде, а одновременно с этим переменится и место, так что у места будет другое место и много мест будет вместе» [Аристотель, 1981, с. 131]. Если признать самостоятельный промежуток, то каждая часть протяженности сама окажется протяженностью и сама будет претендовать на роль места, а это ведет к бесконечному умножению мест. Поэтому Аристотель выбирает четвертого кандидата – границу: «Таким образом, первая неподвижная граница объемлющего [тела] – это и есть место» [Там же, с. 132]. Речь идет о внутренней границе объемлющего тела, о его поверхности, обращенной к объемлемому телу и прилегающей к нему. Как поясняет современный комментатор, поскольку место есть предел, оно есть поверхность и потому «описывает», а не «вмещает» объект [Hussey, 1983, p. 118].

Различие между двумя понятиями принципиально. Diastema есть то, в чем тело находится, вместилище, мыслимое независимо от тел и предшествующее им. Toros есть граница, принадлежащая не самому телу, а тому, что его окружает. По характеристике Сорабджи, Аристотель, представляя место вещи как двумерную объемлющую поверхность, а не как трехмерное протяжение или промежуток (diastema), проходящий сквозь нее, вполне сознательно отвергает трехмерный взгляд на место [Sorabji, 1988, p. 187]. Здесь требуется осторожность в терминах. Аристотелевское место естественно назвать реляционным в том смысле, что оно существует лишь при наличии и объемлющего, и объемлемого. Но Сорабджи специально предупреждает, что дальше этого идти нельзя: Аристотель в любом случае отказался бы помещать место в категорию отношения [Ibid., p. 190]. Место – граница, но не «отношение» в смысле аристотелевской таблицы категорий.

Теперь вернемся к современному трехмерному редактору. Координатная сетка, в которой объект получает свои координаты, существует до объекта и независимо от него. Она задает позиции для любых тел, которые в ней появятся, и сохраняется, когда объект удален. По всем этим признакам координатная сетка соответствует не аристотелевскому toros, а именно отвергнутой им diastema – самостоятельному протяжению-вместилищу. Это меняет смысл всей аналогии. Сетка моделирует не то определение места, к которому Аристотель пришел, а тот вариант, который он рассмотрел и отбросил.

Вопрос не в том, было ли определение Аристотеля логически состоятельным (этот спор мы разберем ниже и оставим открытым), а в том, что историческая традиция пошла не за аристотелевской границей, а за отвергнутой им протяженностью. Первым этот поворот совершил Иоанн Филопон, вернувшийся в шестом веке к diastema и прямо определивший место как трехмерную протяженность: «Место не есть граница объемлющего тела. Что оно есть некое протяжение в трех измерениях, отличное от тел, которые в нем оказываются, бестелесное по своему собственному определению <...> – это может быть показано устранением остальных вариантов. Ибо если место не есть ни материя, ни форма, ни граница объемлющего тела, остается, что оно есть протяжение» [Philoponus, 1991, p. 23]. Цифровое пространство трехмерного редактора оказывается поздним и наглядным воплощением именно этой линии – линии Филопона, а не Аристотеля.

Состоятельно ли определение? Спор историков философии

Аристотелевское определение места как первой неподвижной границы объемлющего тела с античности вызывало затруднения, и современная литература не пришла к согласию о том, состоятельно ли оно. Прояснить эти затруднения важно не для того, чтобы вынести Аристотелю приговор, а чтобы понять, что именно в его определении заставляло позднейшую мысль искать альтернативу.

Наиболее острую трудность формулирует Ричард Сорабджи. По его словам, самая мучительная дилемма в аристотелевском учении о месте возникает из того, что к требованию непосредственного контакта Аристотель добавляет еще и требование, чтобы контактирующая поверхность, составляющая место вещи, была вдобавок неподвижной [Sorabji, 1988, pp. 187-188]. Эти два требования тянут в разные стороны. Контакт требует, чтобы местом была поверхность, непосредственно прилегающая к телу. Неподвижность требует, чтобы место не двигалось. Но непосредственно прилегающая поверхность часто как раз движется. Аристотель сам это замечает на примере лодки в реке и предлагает выход: «Подобно тому как сосуд есть переносимое место, так и место есть неподвижный сосуд. Поэтому, когда что-нибудь движется и переменяется внутри движущегося, например лодка в реке, оно относится к нему скорее как к сосуду, чем как к объемлющему месту. Но место предпочтительно должно быть неподвижным, поэтому место – это, скорее, вся река, так как в целом она неподвижна» [Аристотель, 1981, с. 132]. Местом лодки объявляется не касающаяся ее вода, а неподвижная река в целом.

Сорабджи считает такой ход платой, разрушающей определение. Если местом лодки служит вся река, замечает он, то паром, ходящий между теми же берегами, не менял бы места; два разных парома оказались бы в одном и том же месте; а при остановке течения место скачком «переключалось» бы с берегов на воду [Sorabji, 1988, pp. 188-189]. Определение, спасая неподвижность, теряет связь с непосредственным окружением тела.

Бенджамин Моррисон отвечает Сорабджи прямо и защищает связность определения. По его мнению, трудность мнимая и снимается различием того, из чего поверхность состоит, и того, чем она является. Даже если внутренняя граница реки вокруг лодки меняется материально, т. е. в отношении того, что ее составляет, это та же самая граница согласно условиям индивидуации, поскольку река как целое сохраняет ту же форму и величину вокруг лодки, пока сама река не движется [Morison, 2002, p. 165]. Отсюда его образ: «Темза не движется: она остается там, где она есть, даже если вода, которая ее составляет в каждый данный момент, течет в полном потоке» [Ibid., p. 152]. Возражение Сорабджи, заключает Моррисон, должно провалиться, ибо граница относится к реке так же, как форма или величина: вода сменяется, а форма реки вокруг лодки остается той же [Ibid., p. 164].

Эдвард Хасси занимает третью позицию. Он не спасает определение, но и не считает трудность фатальной для Аристотеля, потому что сомневается в подлинности самого проблемного места. По его оценке, определение в его нынешнем виде явно круговое и вдобавок почти бесполезное, если «первая неподвижная граница объемлющего» означает то, что подсказывает пример с рекой [Hussey, 1983, p. 117]. Разобрав возможные прочтения требования неподвижности, Хасси склоняется к тому, что добавка 212a20–21

не аристотелевская, и замечает, что, если отвергнуть ее как неаутентичную, все становится намного легче [Ibid.]. При таком чтении места лишь «должны быть» неподвижны в смысле природной тенденции, а не строгого требования, и дилемма Сорабджи не возникает.

Спор этот мы не беремся решить, и для нашей задачи его решать не требуется. Существенно другое. Даже если Моррисон прав и определение при должном истолковании когерентно, историческая судьба его сложилась так, как если бы правота осталась за критиками. Позднейшая мысль не стала спасать аристотелевскую границу тонкими различениями между конституцией и тождеством. Она пошла по другому пути – вернулась к отвергнутой Аристотелем протяженности. Вопрос, который нас занимает, не «ошибся ли Аристотель», а «почему отвергнутый им вариант оказался для последующей традиции притягательнее принятого». К этому вопросу мы и переходим.

Возвращение diastema: Филопон и путь к пространству

Вопрос, оставленный предыдущим разделом, звучит так: почему протяженность, которую Аристотель рассмотрел и отверг, оказалась для последующей мысли притягательнее принятого им определения через границу? Ответ начинается с Иоанна Филопона, александрийского комментатора VI в., который первым развернуто вернулся к отвергнутому варианту и превратил его в самостоятельную теорию места.

Филопон отвергает аристотелевское определение прямо и по двум основаниям. Первое: граница объемлющего тела двумерна, а тело трехмерно, и двумерная поверхность не может быть местом трехмерного тела. «Если то, что находится в месте, есть не что иное, как тело <...>, но то, что находится в поверхности объемлющего, находится в ней не в силу того, что оно тело (ибо тело протяженно в трех измерениях, а протяженное так не может находиться в поверхности как таковой), то отсюда следует, что место не есть поверхность» [Philoponus, 1991, p. 18]. Второе основание бьет в аристотелевское требование неподвижности: «если место должно быть неподвижным, а поверхность, будучи границей тела, движется вместе с телом, границей которого она является, то невозможно, чтобы поверхность была местом <...>; граница объемлющего не неподвижна (ибо она движется вместе с тем, чьей границей является, даже когда объемлемое остается неподвижным)» [Ibid., p. 19]. Примечательно, что второй аргумент Филопона совпадает с той самой трудностью, которую позднее заострит Сорабджи. Требование неподвижности и определение места через границу движущегося окружения плохо совместимы, и Филопон делает из этого вывод не в пользу тонких спасительных различий, а в пользу отказа от определения.

Взамен Филопон предлагает то, что Аристотель отбросил. Место есть трехмерная протяженность, существующая независимо от тел, которые ее заполняют. Эту протяженность он прямо отождествляет с пустотой по существу, отличая ее от всякого тела, которое в ней оказывается [Philoponus, 1991, p. 23]. Протяженность остается неподвижной, пока тела сквозь нее проходят. Филопон поясняет это на примере движущегося шара: если сдвинуть покоящийся шар, вместе с ним не сдвинулась бы никакая часть принявшей его пустоты, но шар заполнял бы то одну, то другую часть протяжения по мере движения, тогда как само протяжение остается неподвижным [Ibid., p. 16].

Именно этот ход, а не аристотелевский, определил дальнейшую историю понятия. Сорабджи отмечает, что теории места, вернувшиеся к трехмерной протяженности, различными путями подходят ближе к идее ньютоновского пространства, чем это делал Аристотель, и их вполне можно было бы назвать теориями пространства [Sorabji, 1988, p. 200]. Линия, идущая от Филопона, ведет через средневековые и ренессансные споры к декартовой *res extensa* и к абсолютному пространству Ньютона, т. е. к тому представлению о пространстве как самостоятельном вместилище, которое стало основой классической физики. Отвергнутая Аристотелем *diastema* оказалась не тупиком, а магистралью.

Здесь и обнаруживается ценность цифровой аналогии, к которой мы теперь возвращаемся. Координатная сетка трехмерного редактора есть именно филопоновское *diastema*, реализованное как инструмент. Она существует независимо от помещенных в нее объектов, сохраняется при их удалении, задает позиции для любых тел и остается неподвижной, пока тела сквозь нее перемещаются. Все то, что Филопон утверждал о протяженности на уровне умозрения, цифровая среда делает наглядным и работающим. Аналогия ценна не тем, что подтверждает или опровергает Аристотеля, а тем, что показывает, чем протяженность-вместилище была так привлекательна для последующей мысли. Она операциональна. С ней можно работать, в ней можно задавать координаты, вычислять положения, строить и перестраивать. Аристотелевская граница такой операциональностью не обладает, и в этом, а не в логической несостоятельности, причина ее исторического поражения.

Расширение аналогии: образ Пещеры

Аналогия с трехмерным редактором применима не только к аристотелевской проблеме места, но и к платоновскому различению уровней бытия, и это расширение стоит наметить, оговорив сразу его вспомогательный характер. Если для Аристотеля цифровая среда служила моделью отвергнутой им протяженности, то для Платона она дает наглядный образ иерархии, которую он выстраивает в конце шестой и начале седьмой книги «Государства».

В образе разделенной Линии Платон делит все сущее на четыре ступени по мере причастности истине. Он подытоживает их так: «на высшей ступени – разум, на второй – рассудок, третье место уделю вере, а последнее – уподоблению, и расположи их соответственно, считая, что, насколько то или иное состояние причастно истине, столько же в нем и достоверности» [Платон, 2015, с. 238]. Высшей ступени отвечают идеи, постигаемые разумом; второй – математические предметы, схватываемые рассудком; третьей – чувственные вещи; низшей – «тени» и «отражения» [Там же, с. 240]. Продолжающий Линию миф о Пещере рисует узников, которые «с малых лет» скованы лицом к стене и «целиком и полностью принимали бы за истину тени проносимых мимо предметов» [Там же, с. 239], а освобождение изображает как мучительное восхождение к свету, т. е. «подъем души в область умопостигаемого» [Там же, с. 241].

Трехмерный редактор воспроизводит эту иерархию с достаточной степенью соответствия. Пользователь видит на плоскости экрана двумерную проекцию – своего рода тень трехмерной модели. Сама модель есть отображение программного кода, а код размещен на аппаратном носителе. Возникает ступенчатая структура: изображение на экране, трехмерная модель, программный код, физический носитель. Она сопоставима с платоновской лестницей: тени и отражения, чувственные вещи, математические предметы,

умопостигаемое основание. Экран монитора играет роль стены Пещеры, на которую отбрасываются тени. Ограниченность плоского изображения соответствует оковам, удерживающим взгляд узника. Понимание того, что за наблюдаемой поверхностью стоит порождающая ее структура, отвечает выходу на свет.

Соответствие это, однако, не следует переоценивать, и особенно осторожным нужно быть с направлением зависимости, о чем подробнее сказано ниже. Отметим здесь лишь, что платоновская иерархия ценностно ориентирована – она ведет от менее истинного к более истинному, тогда как слои цифровой среды различаются не по степени причастности истине, а по роли в порождении изображения. Аналогия схватывает ступенчатость, но не аксиологию платоновского восхождения. Поэтому образ Пещеры мы привлекаем не как довод в пользу основного тезиса, а как иллюстрацию того, что многослойность, делающая цифровую среду удобной моделью для *diastema*, оказывается созвучна и другим античным построениям, работающим с идеей уровней.

Границы аналогии

Всякая аналогия работает лишь до известного предела, и цифровая модель места не составляет исключения. Обозначить ее границы необходимо не только ради строгости, но и потому, что именно расхождения между цифровой средой и античными концептами показывают, где аналогия остается эвристическим приемом и не превращается в тождество. Укажем три существенных расхождения.

Первое касается соотношения аналогии с самим Аристотелем: ведь, как показано выше, координатная сетка соответствует не аристотелевскому месту-границе, а отвергнутой им протяженности. Поэтому применительно к принятому определению Аристотеля аналогия работает от противного: она моделирует то, что он отбросил, а не то, что он утверждал. Аристотелевское место есть внутренняя граница объемлющего тела, т. е. двумерная поверхность, принадлежащая окружению и существующая лишь при наличии объемлемого. Координатная сетка, напротив, трехмерна, предшествует телам и существует независимо от них. Совпадение здесь было бы ошибкой; аналогия схватывает линию Филопона, а не Аристотеля, и это ограничение является, по сути, условием ее корректного применения.

Аристотель рассуждает исключительно о физических телах и их границах; т. е. второе расхождение связано с онтологическим статусом слоев. Цифровая среда включает слой, который телом в аристотелевском смысле не является, – программный код. Когда мы говорим, что координатная сетка существует постольку, поскольку работает порождающая ее программа, мы вводим уровень, у которого нет аналога в аристотелевской физике, где нет ничего между телами и их характеристиками. Это существенное несоответствие. Программный слой не есть ни тело, ни граница тела, ни протяженность в аристотелевском смысле, и перенос на него понятий из «Физики» возможен лишь метафорически. Эвристическая польза аналогии сохраняется на уровне структуры отношений между слоями, но не на уровне отождествления онтологических статусов.

Третье расхождение проявляется в цифровой модели платоновской иерархии и касается направления зависимости. У Платона чувственный мир зависит от умопостигаемого. Тени существуют благодаря вещам, вещи причастны идеям, идеи

самодостаточны и первичны. В цифровой среде зависимость направлена обратно. Изображение на экране зависит от модели, модель – от кода, код – от аппаратного носителя, и первичным оказывается не высшее, а низшее – физическое железо. То, что у Платона стоит на вершине как онтологически первичное и самодостаточное, в цифровой аналогии соответствует не основанию, а поверхности, зависящей от нижележащих уровней. Поэтому цифровой образ Пещеры передает ступенчатость платоновского построения, но переворачивает его вертикаль. У Платона реальность убывает сверху вниз, в цифровой среде она, напротив, обеспечивается снизу вверх.

Эти три ограничения не обесценивают аналогию, но определяют ее жанр. Она есть герменевтический инструмент, проясняющий, чем протяженность-вместилище отличалась от аристотелевской границы и чем она была привлекательна для последующей мысли. Она не является ни моделью устройства физической реальности, ни доказательством какого-либо тезиса о ней. Само по себе структурное сходство между цифровой средой и той или иной онтологией не несет философской нагрузки, поскольку отношений упорядоченной иерархии можно построить сколько угодно. Значимость аналогии не в наличии сходства как такового, а в том, что она делает наглядным конкретное историческое обстоятельство – операциональность протяженности, обеспечившую ей преимущество перед границей. За пределами этой задачи аналогия своей объяснительной силы не имеет.

Перспектива: цифровое пространство и виртуальная онтология

Проведенное рассуждение остается в границах историко-философской задачи и намеренно не выходит к вопросу о природе реальности. Обозначить этот выход все же уместно, поскольку аналогия, служившая здесь инструментом истолкования, соприкасается с обсуждениями, ведущимися в современной философии, и может стать поводом для их продолжения: симуляционный аргумент Н. Бострома, согласно которому при некоторых допущениях о развитии вычислительных мощностей статистически вероятно, что наблюдаемый нами мир сам является вычислительной моделью [Bostrom, 2003], и виртуальная онтология Д. Чалмерса, в которой цифровые объекты признаются не иллюзиями, а полноценно существующими сущностями, а виртуальные миры – подлинными реальностями [Chalmers, 2022]. Настоящая работа этих тезисов не разделяет и не обосновывает. Ее вывод скромнее и относится к истории понятия, а не к устройству мира. Однако намеченное здесь соответствие между цифровым пространством и филопоновской протяженностью ставит вопрос, заслуживающий отдельного исследования: если протяженность-вместилище получила в цифровой среде операциональное воплощение, то не ведет ли это к пересмотру ее онтологического статуса в духе Чалмерса, т. е. к признанию за координатным пространством некоторой формы реальности, а не одной лишь инструментальной полезности. Этого вопроса мы здесь не решаем и оставляем его как направление дальнейшей работы. К той же области относится и более отдаленная аналогия между кодом цифровой модели и «кодом» живого организма – представление о том, что линейная последовательность генетического кода разворачивается в трехмерную форму подобно тому, как файл трехмерной модели разворачивается в объект при 3D-печати. Эта параллель носит сугубо эвристический характер, научным объяснением морфогенеза не является и приводится лишь как еще одно возможное продолжение темы.

Заключение

Проведенное исследование можно свести к трем результатам, отвечающим трем его задачам.

Разведены два аристотелевских понятия места: место как граница объемлющего тела (topos) и место как самостоятельная протяженность-вместилище (diastema), которую Аристотель рассмотрел и отверг. Показано, что координатная сетка трехмерного редактора соответствует именно diastema, а не topos, и что, следовательно, цифровая аналогия относится к отвергнутому Аристотелем варианту, а не к принятому им определению. Это различие, проведенное последовательно, снимает смешение, при котором цифровое пространство ошибочно сближается с аристотелевским местом.

Изложен спор современных историков философии о состоятельности аристотелевского определения: от указания Сорабджи на несовместимость требований контакта и неподвижности до защиты определения у Моррисона и сомнения Хасси в подлинности его ключевого места. Этот спор оставлен открытым как не решающий для поставленной задачи. Существенным признано не то, состоятельно ли определение логически, а то, что историческая традиция пошла не за ним, а за отвергнутой протяженностью, начиная с Филопона и далее к новоевропейскому понятию пространства.

Показано, в чем состоит объяснительная роль цифровой аналогии. Она делает наглядным то свойство протяженности-вместилища, которое обеспечило ей историческое преимущество перед аристотелевской границей, – операциональность, способность служить рабочей средой, в которой задаются положения и совершаются построения. Аристотелевская граница таким свойством не обладает. И именно этим, а не логической несостоятельностью, объясняется ее историческое поражение. Аналогия выступила здесь не доказательством и не моделью реальности, а герменевтическим инструментом, проясняющим историко-философскую коллизию между принятым и отвергнутым понятиями места.

За пределами этих результатов остается вопрос о том, ведет ли операциональное воплощение протяженности в цифровой среде к пересмотру ее онтологического статуса. Этот вопрос, соприкасающийся с современными обсуждениями виртуальной реальности, обозначен как предмет дальнейшего исследования.

Список литературы / References

Аристотель. (1981). Физика. Пер. В. П. Карпова. *Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 3.* Ред. И. Д. Рожанский. М.: Мысль. С. 59-262. (Философское наследие. Т. 83).

Aristotle. (1981). Physics. Karpov, V. P. (transl.). In *Aristotle. Works. In 4 vols. Vol. 3.* Rozhansky, I. D. (ed.). Moscow. Pp. 59-262. (Philosophical Heritage. Vol. 83). (In Russ.)

Платон. (2015). *Государство*. Пер. с древнегреч. А. Н. Егунова; коммент. В. Ф. Асмуса; примеч. А. А. Тахо-Годи. М.: Академический проект. (Философские технологии).

Plato. (2015). *Republic*. Egunov, A. N. (transl.); Asmus, V. F. (comment.); Takho-Godi, A. A. (notes). Moscow. (Philosophical Technologies). (In Russ.)

Bostrom, N. (2003). Are You Living in a Computer Simulation? *Philosophical Quarterly*. Vol. 53. No. 211. Pp. 243-255. DOI:10.1111/1467-9213.00309.

Chalmers, D. J. (2022). *Reality+: Virtual Worlds and the Problems of Philosophy*. New York. W. W. Norton. DOI:10.7202/1094007ar

Hussey, E. (1983). *Aristotle's Physics: Books III and IV*. Hussey, E. (transl., introduction and notes). Oxford. Clarendon Press. (Clarendon Aristotle Series). New impression with corrections and additions 1993.

Morison, B. (2002). *On Location: Aristotle's Concept of Place*. Oxford. Clarendon Press. (Oxford Aristotle Studies). DOI: 10.1093/0199247930.001.0001.

Philoponus. (1991). Corollaries on Place and Void. Furley, D. (transl.). In *Philoponus. Corollaries on Place and Void, with Simplicius. Against Philoponus on the Eternity of the World*. London. Duckworth. Pp. 15-73.

Sorabji, R. (1988). *Matter, Space and Motion: Theories in Antiquity and Their Sequel*. London. Duckworth.

Сведения об авторе / Information about the author

Толстых Александр Викторович – магистрант Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск, пр. Ленина, 36, e-mail: gosciencenow@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-1958-6974>.

Статья поступила в редакцию: 08.07.2026

После доработки: 20.08.2026

Принята к публикации: 10.09.2026

Tolstykh Aleksandr – Master's degree student at the National Research Tomsk State University, Tomsk, Lenin ave., 36, e-mail: gosciencenow@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-1958-6974>.

The paper was submitted: 08.07.2026

Received after reworking: 20.08.2026

Accepted for publication: 10.09.2026